

IR Мы продолжаем публиковать главы новой книги *Вадима Волкова* о силовом предпринимательстве. На наш взгляд, это одна из наиболее интересных глав, она посвящена эволюции воровского мира под воздействием приходящей ему на смену бандитской культуры.

СИЛОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Глава 4. Воры и бандиты

Волков Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Email: Volkov@eu.spb.ru

Прежде чем обратиться к вопросу организации и деятельности различных силовых структур в соответствии с классификацией, предложенной в Главе 2, необходимо остановиться подробнее на проблеме соотношения преемственности и изменения в преступном мире России после распада системы государственного социализма. Напомним, что основным объектом исследования в данной книге являются частные организации, владеющие средствами принуждения или силовыми ресурсами и использующие их для извлечения прибыли во взаимодействии с хозяйствующими субъектами, – т.е. организации, занятые силовым предпринимательством. Аналитически именно владение и специфическое использование силового ресурса, а не институциональная принадлежность или правовой статус являются основным признаком для выделения упомянутых организаций в одну группу. Вместе с тем, по мере эмпирического наполнения аналитических категорий возникает необходимость учета всевозможных отличий и сравнения экономической деятельности различных силовых структур, анализа их взаимодействия друг с другом и их эволюции. Из того, что различие между организациями, квалифицируемыми правоохранительными органами как «преступные» (ОПГ), и другими силовыми структурами является для нас *аналитически* не значимым, не следует, что мы собираемся игнорировать *эмпирические* различия между ними. Более того, внутри самого преступного мира также существуют серьезные различия, порождающие противоречия и конфликты. До сих пор, говоря о незаконных силовых структурах, мы в основном подразумевали организации, члены которых не имели значимого биографического отношения к традиционному уголовному миру и использовали навыки своей прошлой профессии (спорт, милицейская или армейская служба) для занятия силовым предпринимательством в изменившихся экономических условиях. Но наряду с этими группами важную роль в формировании постсоветской преступной среды сыграли представители традиционного уголовного мира, активно формировавшегося еще в годы первых пятилеток. Они наложили свой отпечаток на развитие силового предпринимательства, но при этом и сами были вынуждены адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям. Общественные изменения, разрушившие систему государственного социализма, в не меньшей степени коснулись и ее «двойника» – традиционного уголовного мира, вызвав раскол, конфликты и выхолостив его нормативно-идеологическое содержание. Появление новых преступных группировок, специализировавшихся на охранном рэкете, а также растущая капитализация преступных доходов в течение всего лишь нескольких лет изменили почти все аспекты жизни представителей старого уголовного мира, оставив, по сути, только фасад. Жаргон и так называемые «понятия», которые они стремились передать или навязать новому поколению преступников, тоже были переосмыслены и адаптированы к новым формам деятельности. Поэтому несмотря на часто декларируемую

преемственность постсоветского уголовного мира, для более адекватного понимания его динамики необходимо учитывать прежде всего произошедшие изменения.

Воровской мир

Специфическое уголовное братство, известное как воровской мир, сложилось в советских тюрьмах и исправительно-трудовых колониях в 1930-е гг. Со времени первого научного исследования языка и культуры воровского мира, опубликованного будущим специалистом по древнеславянской литературе академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в 1935 г., этот предмет привлекал многих российских и зарубежных исследователей¹. На их работах и основан нижеприведенный анализ.

Воровской мир можно назвать неформальным сообществом и субкультурой, объединявшей «профессиональных» преступников со значительным уголовным стажем. Основное назначение воровского мира – регулировать как свои внутренние отношения, так и отношения уголовной среды с внешним миром. Особый жаргон, манера держаться, мифология, ритуалы приема и исключения, кодекс норм, иерархическая организация, общие денежные фонды – все это относится к основным отличительным чертам воровского мира. Его элита, лидеры преступного мира, известны как «воры в законе». Часто слово «вор» используется для обозначения именно члена особой уголовной элиты и подразумевает вора в законе, а не просто представителя преступной профессии, занимающегося какими-либо видами краж. В то же время воровской мир включает не только «коронованных» воров, т.е. воров в законе, но и всех тех, кто придерживается правил и идеологии воровской жизни и чья карьера связана исключительно с определенными преступными занятиями и иерархией, принятой в уголовной среде. Далее мы будем использовать слово «вор» для обозначения любого члена воровского мира, а когда речь будет идти непосредственно о членах правящей элиты этого мира, будем говорить «вор в законе» или «законник».

Воровской мир имеет много предшественников, но где именно он берет свое начало – неясно. В своих основных чертах он сформировался в 1930-е гг. вместе с системой ГУЛАГа и во многом посредством самой системы. Благодаря перемещению по этой системе больших масс заключенных в ней множились связи, усваивались нормы, передавались указания, информация и другие элементы, необходимые для распространения организации и идеологии как внутри, так и за пределами пенитенциарной системы. Поскольку предназначением воровского сообщества были организация и управление заключенными, выживание и воспроизводство преступного мира в экстремальных условиях советских тюрем и исправительных лагерей, тюремная жизнь, «зона», была точкой отсчета всей системы норм и организации этого сообщества. Те, кто выходил на свободу, несли ее нормы в гражданскую жизнь, но при этом воры были, по сути, бывшими или будущими зеками: жизнь на свободе рассматривалась как

¹ Вот лишь основные работы: *Лихачев Д.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // *Язык и мышление. Труды Академии Наук СССР*, Т. III–IV. М.: Академия наук, 1935; *Гуров А.* Профессиональная преступность. М.: Юридическая литература, 1990; *Гуров А., Рябинин И.* Исповедь вора в законе. М.: Росагропромиздат, 1991; *Абрамкин В., Чижев Ю.* Как выжить в советской тюрьме. Красноярск: Агентство «Восток», 1992; *Разинкин В.* Воры в законе и преступные кланы. М.: Криминологическая ассоциация, 1995; *Chalidze, V.* *Criminal Russia: Essays on Crime in The Soviet Union.* N.Y.: Random House, 1977; *Serio, J., and V. Razinkin.* Thieves Professing the Code: The Traditional Role of *Vory v Zakone* and Adaptations to a New Reality, *Low Intensity Conflict and Law Enforcement* (1995). Vol. 4, No.1. P. 72-88; *Varese, F.* The Society of the *Vory-v-Zakone*, 1930s–1950s, *Cahiers du monde russe* (1999). Vol. 39, No. 4. P. 515-538.

временная, после нее они все равно рано или поздно возвращались в зону. Несмотря на открытое противостояние между властями и воровским миром, лагерное начальство нуждалось в услугах воров в законе и даже зависело от них в вопросах поддержания порядка и улаживания конфликтов, поскольку могли управлять другими заключенными гораздо эффективнее. В целом, чем более жестким и репрессивным становился советский политико-правовой режим, тем более организованным и сильным становился уголовный мир.

Не претендуя на всеобъемлющее исследование этого явления, мы можем, тем не менее, попытаться социологически реконструировать основные черты воровского сообщества. Для этого необходимо понять систему норм, поддерживаемых в этом сообществе, и их функциональное предназначение. Первое и основное правило устанавливало запрет на сотрудничество с властями или работу в каких-либо государственных учреждениях. Человек, который когда-либо в своей жизни служил в армии или работал на советское государство, не мог претендовать на полноправное членство в воровском сообществе, не говоря уже о звании вора в законе. Запреты на какое-либо сотрудничество с властями выполняли функцию поддержания границы между двумя мирами и, соответственно, воспроизводства уголовного мира как отдельной реальности. Соблюдение этой и других норм должны были контролировать воры в законе.

«Основным коллективным представлением воров, определявшим их отношение к внешней реальности, была идея борьбы двух миров», – пишет Лихачев. – «Вор, как первобытный человек, делит весь мир на две части: “свой” – “хороший”, и «чужой” – “плохой”»². Явное и последовательное отрицание всего, что было связано с официальной системой, включая приказы и распоряжения властей, составляло основную черту поведенческой идиомы вора, чего бы это ему ни стоило. Основные нормы и принципы воровского мира представлялись в виде лаконичных высказываний, сопровождавших татуировки на теле заключенного. Так, распространенная татуировка гласила: «Авторитетный вор – непримиримый отрицала»³. Такое поведение часто провоцировало суровые наказания со стороны лагерного начальства, наиболее распространенным из которых было помещение в карцер. Но после того, как «мученик» отбывал положенное наказание, его статус в воровском сообществе повышался, и на его теле появлялась татуировка, отмечающая этот эпизод в карьере заключенного. Так тело заключенного становилось своего рода книгой, по которой другие могли прочитать воровские нормы и личную историю отсидок и подвигов носителя татуировок, – если, конечно, они умели «читать», т.е. знали особый код. Из-за этой практики татуировок среди воров представители традиционного уголовного мира получили прозвище «синие» – по цвету телесной росписи.

Чем сильнее воры отрицали все, что было связано с формальной советской системой, тем больше они были преданы своему сообществу. Следующий комплекс норм касался солидарности уголовного братства и преданности воровской профессии. Функция этих норм – интеграция и поддержание солидарности. Если человек выбирал воровской путь и стремился достичь вершины в уголовной иерархии, ему было запрещено иметь жену и семью, равно как и культивировать какие-либо родственные связи, которые требовали бы лояльности к какому-либо другому сообществу. Известная татуировка «Не забуду мать родную» на самом деле не имеет ничего общего с биологической матерью. «Мать» здесь обозначает, скорее, воровскую семью, которая дала своему питомцу второе рождение и настоящее воспитание. Такое прочтение подсказывает и то обстоятельство, что в

² Лихачев Д. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Балдаев Д. (ред.) Словарь тюремно-блатного жаргона. М.: Края Москвы, 1992. С. 366.

³ Балдаев Д. (ред.) Словарь тюремно-блатного жаргона. С. 462.

предвоенные годы большинство из тех, кто начинал воровскую карьеру в юности, – а это очень важная часть воровских заслуг, – были беспризорниками, сбежавшими из интернатов и не знавшими своих родителей. Обещание «не забывать родную мать», как и клятвы верности воровской идее, произносимые при коронации, подчеркивали верность коллективу. Сюда же следует отнести и комплекс запретов на какую-либо работу. Помимо явного неприятия властей, которые заставляли работать и непослушание которым являлось сердцевиной воровского «кодекса чести», этот запрет еще поддерживал исключительную лояльность воровской профессии: вор должен жить только с украденного.

Назначение еще одного комплекса норм – регулировать отношения между членами воровского сообщества, включая воров в законе. Функцию этих норм можно обозначить как посредничество или снятие противоречий. Согласно общепринятым представлениям, уголовная среда отличается чрезвычайно высоким уровнем насилия. Вместе с тем, насилие является предметом жесткого регулирования. В воровской среде на спонтанное физическое насилие, особенно убийство, налагался запрет, нарушение которого предполагало суровые санкции (кроме случаев, когда насилие санкционировалось ворами в законе). Контролирование насилия относилось к одной из наиболее важных функций воров в законе. Решение об убийстве вора могло приниматься только на сходке в случае предательства или серьезного оскорбления им других воров. Воры были носителями норм, в соответствии с которыми разрешались конфликты и осуществлялось правосудие. По словам одного из наиболее влиятельных воров в законе Евгения Васина («Джема»), «вором в законе называют человека, который может правильно рассудить, развести без крови»⁴. Вора в законе иногда называли просто «законник», т.е. тот, кто владеет сводом уголовных законов и трактует их. По словам одного из респондентов, «вор в законе – это как доктор неформального права» [1].

Наконец, к нормам, относящимся к поддержанию границы, интеграции, снятию противоречий, необходимо добавить нормы, касающиеся экономической стороны воспроизводства воровского сообщества. Его основой была система общаков, т.е. общих фондов, которые пополнялись за счет воровского промысла и служили для поддержания тех, кто находился в зоне. «Классический» общак функционировал по социалистическому принципу. Предполагалось, что все представители воровской профессии должны сдавать свою добычу или выручку в общий фонд, общак, и получать из него некоторую долю на повседневные нужды. Основная же часть общака предназначалась для того, чтобы «греть зону», т.е. для обеспечения заключенных продуктами, табаком, алкоголем, наркотиками, а также для подкупа властей. Общак также предназначался для помощи тем, кто недавно освобожден из мест заключения и первоначально не имел средств. Таким образом, система поддержки заключенных и само знание о ее существовании снижали страх перед зоной, смягчали возможные лишения во время пребывания в ней и тем самым повышали степень преданности преступным профессиям. Как утверждает известная татуировка, «тюрьма – дом родной».

Воры в законе отвечали за пополнение и распоряжение общаком. Поведенческие нормы воров в законе, требующие аскетизма, запрещающие роскошь и позволяющие лишь необходимый минимум обихода, были логически связаны именно с функцией распоряжения общими фондами. Роскошь могла вызвать подозрение в присвоении и растрате общаковских денег, что по воровским понятиям каралось смертью. Кроме того, необходимость поддержания образа вора в законе как олицетворения веры в воровскую идею и верности понятиям превращала многих воров старого стиля в аскетов, страдальцев за идею, уголовных аналогов святых. Ведь их власть держалась не на богатстве и не на

⁴ *Коммерсантъ*, 2001. 5 октября. С. 12.

насилии, а преимущественно на специфическом моральном авторитете, поддерживаемом уголовной традицией.

Как становился воров в законе? Чтобы претендовать на это звание, необходимо было иметь «чистую» уголовную биографию. Она должна была начинаться в достаточно молодом возрасте, не содержать никаких эпизодов работы на государство или связи с властями, включать впечатляющий послужной список «отсидок», причем только по определенным, «благородным» статьям («изнасилование», например, считалось неприемлемой статьёй), и эпизоды «правильного» поведения по отношению к воровскому братству. Авторитетный вор Вася Бузулутский, например, получил свой первый срок в возрасте четырнадцати лет и с небольшими перерывами провел почти сорок лет в различных тюрьмах и лагерях. Другой легендарный вор старой формации Владимир Бабушкин («Васька-бриллиант») сделал десять «ходов» (т.е. был осужден на различные сроки 10 раз), что заняло почти всю его жизнь⁵. Кандидат на звание «вор в законе» должен был заслужить уважение своим характером, сообразительностью, лояльностью традиции – понимаемым, конечно, с точки зрения криминальной профессии. Ритуал коронации должен проводиться на сходке с предоставлением не менее трех рекомендаций воров в законе. Его основным элементом являлась клятва верности воровской семье и ее законам.

Конечно, сложный и закрытый воровской мир нельзя свести лишь к набору норм и соответствующих функций. Многие остались за рамками данного краткого анализа. Но большинство этих норм, возникших еще в довоенное время, сохранились до 1980-х гг., как и сам традиционный уголовный мир. В приведенном описании мы стремились выделить лишь те черты, которые образуют идеальный тип традиционного уголовного подполья советских времен, поскольку систематическое сравнение воров и бандитов, старого и нового типа преступности возможно лишь как идеально-типическое.

Сравнение идеальных типов

Те, кого в современной России называют «бандитами», мало напоминают классических бандитов прошлого – обитателей гор или лесов, смертельных врагов властей, предводителей крестьянских восстаний или просто грабителей, рано или поздно заканчивавших свою жизнь на эшафоте⁶. Сегодня это стационарные городские бандиты, активно участвующие в деловой и политической жизни, но в любой момент готовые прибегнуть к насилию. Если о «головорезах» прошлого слагались легенды и предания, то современный бандит является любимым героем городского фольклора, популярных романов и телесериалов. Его можно легко распознать по физическим габаритам, жестам, речи, стрижке, одежде и, конечно, «БМВ» («боевая машина вымогателей»), «Мерседесу» или джипу. Но это внешний аспект. Как уже указывалось в предыдущей главе, его социальное определение – силовой предприниматель.

В отличие от бандитов, воры не являются силовыми предпринимателями. Основная задача вора – воровство (в широком смысле) и стремление избежать поимки. Воры ничего не производят и должны быть незаметны, по крайней мере за пределами своей среды. Бандит же, напротив, считает себя производителем определенных услуг и позиционирует себя соответствующим образом перед клиентами. Его производительность и способность влиять на экономическую деятельность происходят из возможности распоряжения организованной силой. Эта способность должна быть наглядна, поскольку представляет собой основной рыночный ресурс этой группы. Отсюда многочисленные внешние атрибуты, знаки отличия (стрижки, золотые цепи, перстни и т.п.) и легко узнаваемый

⁵ Модестов Н. Москва бандитская. М.: Центрполиграф, 1996. С. 79-80.

⁶ См.: Hobsbawm, E. *Bandits*. L.: Delacorte Press, 1969.

«самоутверждающий» стиль поведения. В отличие от бандитов, представителей воровской профессии гораздо труднее выделить из общей массы.

Доход вора связан со вторичным перераспределением собственности и в основном состоит из присвоения личного имущества других граждан или государства. Бандит же претендует на долю прибыли других предпринимателей, которая, как он считает, произведена при покровительстве или содействии организованной группы, которую он представляет. Поэтому его доход связан с перераспределением прибавочного продукта и носит характер регулярного налога (на прибыль или с оборота). Поскольку бандиты, сами будучи предпринимателями, стремятся получать доход на постоянной основе и в рамках долговременных отношений, они претендуют на право охраны собственности и порядка и в силу этого могут даже бороться с воровством, например, выгоняя воров из гостиниц, ночных клубов или вещевых рынков.

Воровская этика представляет собой проекцию ценностей и правил тюремной жизни на нормальную жизнь. Источником воровского авторитета служат сроки, проведенные в тюрьмах и колониях. Бандитские понятия сформировались на воле, поэтому они гораздо практичнее и рациональнее, лишены многочисленных запретов. Сотрудничество с властями и даже правоохранительными органами не является для бандитов проблемой, особенно если это приносит конкретные материальные выгоды. Бандитский авторитет формируется не столько в тюрьме, сколько через решительные силовые действия, умение применять силу в сочетании с определенными организаторскими способностями. В отличие от традиционных представителей воровского мира, которые полагались на силу аргумента и могли «завиноватить» кого угодно, бандиты полагаются исключительно на аргумент силы. Их способ действия, по сути, представляет собой элементарную форму политической власти, в основе которой, как известно, лежит способность к физическому принуждению. Воровская власть в гораздо большей степени зависит от морального авторитета и силы традиции; это пример нормативной власти.

Многие бандитские группировки культивировали здоровый образ жизни, запрещая, в отличие от воров, алкоголь и наркотики и поддерживая физическую форму в спортивных залах, где они регулярно собирались. Наконец, в отличие от воровского общака, который функционировал, скорее, по социалистическому принципу центральной перераспределительной системы, бандитские общаки напоминают банки, капитал которых складывается из процентных отчислений членов группировок и может использоваться как для крупномасштабного подкупа властей, так и для инвестиций в легальный бизнес. Если нормативная система воровского мира была подчинена групповому выживанию в жестких условиях советских лагерей и тюрем, то бандитские нормы функционально связаны с участием этой группы в экономической жизни в качестве силовых предпринимателей. Таким образом, воровский мир – продукт сильного репрессивного государства; бандитский мир – продукт незаконного использования силы в условиях слабого государства.

Конфликт и рационализация

Различия между воровской и бандитской субкультурой порождали многочисленные противоречия и конфликты. По свидетельству Андрея Константинова, Владимир Кумарин, лидер «тамбовских», отрицал воровскую идеологию и отзывался о ворах с презрением: «Зачем дармоедов кормить?»⁷. Многие авторитеты относились к ворам в законе как к пережиткам прошлого и отказывались следовать воровским понятиям. Вору, в свою очередь, отвечали им презрительным отношением, называя их просто

⁷ Константинов А. Бандитский Петербург '98. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 74.

«спортсменами». Они обвиняли «спортсменов» в приверженности насилию, в тупоумии и амбициозности, но за этим скрывались и реальные опасения по поводу безжалостной экспансии новых бандитов и их нежелания считаться с чем-либо, кроме голой силы. Описывая преступный мир Екатеринбурга, С. Ханделман приводит разговор с уголовным авторитетом старой формации, который с досадой признает, что новые молодые бандиты уже не выказывают никакого уважения таким, как он: «То, что сейчас происходит, ужасно. Старые ценности ушли»⁸. Константинов цитирует исповедь вора в законе Юрия Алексева («Горбатого»), который описывает, как старая уголовная традиция деградирует под влиянием тех, кто «только силу и уважают, никак не мозги»⁹.

Нормативные противоречия переплетались с конфликтами конкретных экономических интересов. Гибкость, прагматизм и агрессивность бандитов позволили им быстро захватывать значительные сегменты формирующихся рынков, навязывать охранные услуги частному бизнесу, изобретать различные способы зарабатывания денег. Воры в законе, в свою очередь, стремились подчинить своему влиянию молодых бандитов, навязывая им свою идеологию, мобилизуя уголовные связи или используя силу. Константинов также приводит выдержку из письма воров в законе, конфискованного администрацией в одной из колоний: «...Ознакомиться с этой малявой всем достойным людям, принять к жизни и поставить в курс всех. Все достойные обязаны помогать в сборе общака (денег) на воровские нужды. Все кооперативы обязаны платить определенную часть денег в воровской общак. Все это должно контролироваться людьми из арестантского мира, но ни в коем случае не спортсменами и не другими собаками...»¹⁰. Раздел сфер влияния породил конфликты, выразившиеся в войнах группировок или цепочках заказных убийств. Один из наиболее известных эпизодов такой войны – последовательный отстрел киллерами из Кургана по заданию «ореховских» бандитов во главе с «Сильвестром» (Тимофеевым) в 1992 г. в Москве верхушки «таганской» группировки воровской направленности. В результате многочисленных войн установилось определенное деление регионов на бандитские и те, которые «под ворами». Так, Петербург, Екатеринбург и Новосибирск считаются преимущественно бандитскими; влияние воров в законе в них относительно слабо. В Москве же после многочисленных конфликтов и переговоров установилось равновесие, позволяющее сотрудничество или мирное сосуществование группировок различной ориентации. Воровскими считаются Дальний Восток и южные регионы России¹¹.

Под воздействием усиливающейся конкуренции воры были вынуждены адаптироваться, приспосабливать свои нормы и организацию к новой реальности, основанной на коммерческом расчете и насилию. Постепенно основные воровские заповеди превращались в лозунги, скрывавшие изменившуюся практику. Следует заметить, что первые признаки разложения воровских понятий появились гораздо раньше, вместе с растущей коррупцией самой советской системы в брежневский период. В 1982 г. на сходке в Тбилиси воры в законе обсуждали, должны ли они участвовать в политике. Грузинские воры настаивали на том, что необходимо расширять отношения с коррумпированной номенклатурой и через нее реализовывать свои интересы. Им противостояли российские блюстители чистоты понятий во главе с Васькой-Бриллиантом, считавшие невозможным нарушение главного запрета. Возникший раскол с годами только увеличивался, и многие грузинские воры (как, например, Джаба Иоселиани, ставший в

⁸ Handelman, S. *Comrade Criminal: Russia's New Mafia*. New Heaven: Yale University Press, 1995. P. 88.

⁹ Константинов А. Бандитский Петербург'98. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Разинкин В. Воры в законе. С. 17; Константинов А. Бандитский Петербург'98. С. 74-77.

определенный период правой рукой главы независимого грузинского государства) продолжали активно проникать во власть¹².

С началом перестройки и распадом СССР молодое поколение воров в законе попыталось возродить уходящую традицию, при этом существенно изменив ее содержание. Тюремная жизнь уже плохо сочеталась с растущими экономическими интересами уголовного мира: попасть в зону означало потерять контроль над многочисленными коммерческими проектами. Соответственно, тюремный стаж сокращался и терял свою значимость. С другой стороны, в 1990-е гг. стало возможным купить титул «вора в законе» в сравнительно молодом возрасте, не имея послужного списка и уголовного стажа, – типичный признак разложения для любой традиционной элиты. Формально этот титул давал право принимать участие в управлении уголовным миром и криминальным капиталом. И хотя степень уважения к купленному титулу едва ли могла достигнуть прежних высот, экономическое влияние вполне компенсировало этот недостаток. Так, в 1990–1992 гг. молодой вор новой формации Ленья «Макинтош» вошел в состав московского банка «Столичный» для распоряжения «общаковскими» средствами, составлявшими часть капитала банка, через который в эти годы было введено в легальный оборот более 10 млрд. рублей¹³.

Меняющаяся функция общака свидетельствует о возрастающей рационализации воровского мира под воздействием изменившейся социально-экономической среды. С появлением возможностей для капиталистического предпринимательства и особенно с развитием банковского сектора все возрастающая доля криминальных ресурсов капитализировалась – вместо того, чтобы идти на потребление пенитенциарной системы. «Общакоские» средства вкладывались в существующие банки или образовывали начальный капитал для новых банков, чтобы затем инвестироваться в легальный бизнес (в основном в торговлю и импортно-экспортные операции). И хотя значительные средства продолжали направляться в «зону», общаки уже работали не на идею, а на производство прибыли, которая присваивалась их распорядителями, т.е. ворами в законе.

Выхолащивание нормативного содержания воровской субкультуры и ее превращение в специфический тип капиталистического предпринимательства можно проиллюстрировать на примере карьеры Павла Захарова («Паши-Цируля»), одного из наиболее влиятельных «законников» старой формации. Он начал свою уголовную карьеру в 1950-е гг. с карманных краж, наиболее престижной воровской профессии, и получил первый срок, когда ему было пятнадцать лет. Последующие пять тюремных сроков заняли в совокупности более двадцати лет жизни. Благодаря своим талантам и авторитету к 1980-м гг. Паша-Цируль стал самым влиятельным «законником» в Москве и распорядителем крупнейшего общака. Он построил себе в Подмосковье трехэтажный особняк с подземным ходом и гаражом, где содержал пять престижных иномарок и микроавтобус. В нарушение еще одной воровской нормы он был фактически женат, хотя формальным мужем его жены был зарегистрирован его брат. Ортодоксальный вор в законе Вася-Очко обвинил Цируля в присвоении и растрате общаковских денег, в частности в «прокручивании» их через кооперативы и присвоении прибыли. Согласно воровским понятиям, такое обвинение означало, в случае его доказательства, смертный приговор. Конфликт между двумя лидерами обсуждался на многочисленных сходках и был «разрешен» лишь посредством устранения Васи-Очко. Захаров тем временем создал сильную преступную группировку, которая занялась предоставлением охранных услуг, легальным бизнесом и торговлей наркотиками. В декабре 1994 г. он был арестован и провел более двух лет под следствием. Павел Захаров (Цируль) не дожидаясь суда,

¹² Serio, J., and V. Razinkin, *Thieves Professing the Code*. P. 76.

¹³ *Разинкин В.* Воры в законе. С. 64.

скончавшись в тюрьме от передозировки наркотиков в январе 1997 г.¹⁴ Символическим финалом его карьеры стало письменное отречение, которое, согласно некоторым источникам, он написал на имя главного прокурора Москвы незадолго до смерти, пытаясь тем самым добиться права выйти из тюрьмы под залог: «Прошу больше не считать меня вором в законе. Поскольку в 1953 году был коронован неправильно, с нарушением воровских законов и традиций»¹⁵.

¹⁴ *Модестов Н.* Москва бандитская. С. 103-105; *Трабарин А.* Воры в законе и авторитеты. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 98-125.

¹⁵ Цит. по: *Трабарин А.* Воры в законе и авторитеты. С. 125.